

СКАЗКА – ПОВЕРЬЕ – АНТИСКАЗКА

I

В статье независимого исследователя А.И.Бер-Глилки ставится вопрос о происхождении сюжета «The King and the Lamia» (ATU411), который сам автор относит к «наименее изученным сюжетам волшебных сказок»¹. Вероятно, здесь имеется в виду очень скромный список источников (Literature / Variants) – всего несколько позиций. С одной стороны, автор несколько расширил список за счет неизвестных Г.-Й.Утеру источников, а с другой – выдвинул свою версию происхождения данного сюжета. Предлагаемая версия сводится к следующему. В основе сюжета о женщине-змее, зафиксированного у широкого круга народов (Китай, Индия, Средняя и Центральная Азия, Афганистан и др.) лежит сюжет сказок о демоницах, встречающийся у народов Сибири². В качестве обоснования приводится тезис о присутствии в этих сказках «семантического ядра» – «враждебности героини по отношению к людям и решимости героя умертвить ее» (в терминах А.И.Бер-Глилки), – которое «в тюркской среде легло в основу сюжетной структуры и фабулы сказочного типа ATU411»³. Остается непонятным, что такое «сюжетная структура», а в связи с этим, и что такое «фабула» сказочного типа. Точных определений этих понятий автор не дает.

Непонятно также, почему автору кажется, что сюжетный тип ATU411 «тяготеет» к тюркскому миру (кавычки авторские. – ПБ)⁴. Намеченная автором география сюжета с тем же успехом может говорить об обратном, а именно: тюркский мир в указанном отношении вполне удобно рассматривать как периферию распространения рассматриваемого сюжета.

Так что два явления фольклора, разнесенные в пространстве, обнаруживают одно и то же «семантическое ядро», или, выражаясь более привычным языком науки, одну и ту же *сюжетную линию*. Различие касается *сюжетных схем*.

Во-первых, принципиальная недоказуемость подобных, отрицающих друг друга логически равносильных утверждений, известна давно. Действительно, без стратиграфических и тем более абсолютных (внестратиграфических) датировок, а в фольклоре, в отличие от литературы, нет ни того, ни другого, нельзя определить, «х – отец у» или «у – отец х».

¹ Бер-Глинка А.И. Сюжетный тип ATU411 в сказочной традиции Евразии: некоторые замечания к типологическому указателю сказочных сюжетов» Г.-Й.Утера // Этнографическое обозрение, 2018, № 4, с.171.

² Там же, с.178-179.

³ Там же, с.179

⁴ Бер-Глинка, указ соч., с.172.

Во-вторых, само выделение сюжетных схем – об этом писал академик Ольденбург – есть вещь субъективная в плане определения границы между ядром и периферией сюжета (омегой и добавочными частями, по Бедье)⁵. Позже примерно в том же духе высказался Пропп по поводу транскрибирования сказок по мотивам и сравнения полученных схем: «Единственный “вывод”, который можно сделать из такой переписки, это – утверждение, что сходные сказки похожи друг на друга – вывод ни к чему не обязывающий и ни к чему не приводящий»⁶.

Именно метод транскрибирования по мотивам используется в статье А.И.Бер-Глилки и при более внимательном взгляде от его статьи остается только список источников и литературы и, может быть, довольно стройная система ссылок. Поэтому нам следует начать с опровержения заявления, открывающего статью. Дело не в том, что данный сюжет плохо изучен, а том, что это не волшебнo-сказочный сюжет или, по крайней мере, не совсем и даже далеко не сказочный сюжет.

Неверное высказывание об этом сюжете как о сказочном является, пожалуй, единственным положением статьи, которое имеет характер научного предложения. И тот факт (см. ниже), что образцы повествовательного фольклора, упоминаемые под индексом ATU411, не являются волшебными сказками (кстати говоря, в Указателе самого Аарне сюжет под таким индексом вообще отсутствует), не отменяет этого свойства. Данное обстоятельство лишний раз свидетельствует, что наличие волшебных мотивов вообще и мотивов, связанных с превращениями людей в животных или наоборот, в частности, представляет собой феномен так называемой неотделимой случайности. Тем более, что такого рода мотивы изначально присущи (первобытному) мифу, а не сказке. Например, при работе с австралийскими материалами эти, по сути, тотемистические мотивы встречаются повсеместно.

При анализе явлений фольклора надо, прежде всего, стараться избегать смешения понятий сюжетной схемы с понятием композиции («структуры»), т.е. делением на морфологически значимые части. Сначала разберем сюжет, который А.И.Бер-Глинка относит к типу под индексом ATU411.

Как мы видим из Таблицы 1, при матричном (мотифемном) способе изображения существуют, по крайней мере, два способа распределения мотивов по трем мотифемам. Начальные ситуации одинаковы в обоих предложенных вариантах. Это двухступенчатая начальная ситуация: представление членов семьи и создание ситуации недостачи. После свадьбы царевич начинает чахнуть, ни один из докторов не может вылечить его от неизвестной болезни.

⁵ Ольденбург С.Ф. Фабло восточного происхождения II // Журнал министерства народного просвещения. Седьмое десятилетие. Новая серия. Часть V. СПб., 1906, с.232.

⁶ Пропп В.Я. Морфология сказки. М., 1969, с.20.

Таблица 1

	Царевич и его жена сорокалетняя змея ⁷ . Вариант 1	Царевич и его жена сорокалетняя змея. Вариант 2
In	Царь и его сын.	Царь и его сын.
In2	Однажды царевич отправляется на охоту и находит под кустом спящую красавицу (!!!), что не поддается человеческому описанию. Он берет ее с собой. Отец, увидев девушку, пораженный ее красотой, восклицает, что сам бог послал ее в жены сыну. Они справляют свадьбу. Спустя некоторое время царь замечает, что сын чахнет и бледнеет. Он вызывает знаменитых докторов, но никто не может вылечить сына от неизвестной болезни.	Однажды царевич отправляется на охоту и находит под кустом такую красавицу, что не поддается человеческому описанию. Он берет ее с собой. Отец, увидев девушку, пораженный ее красотой, восклицает, что сам бог послал ее в жены сыну. Они справляют свадьбу. Спустя некоторое время царь замечает, что сын чахнет и бледнеет. Он вызывает знаменитых докторов, но никто не может вылечить сына от неизвестной болезни.
A	Раз заходит во дворец странствующий НИЩИЙ-ДЕРВИШ . Узнав из разговоров слуги, что царевич болен неизлечимой болезнью, он просит разрешения осмотреть его и тотчас распознает, в чем заключается болезнь. Он осмеливается рассказать царю неприятную правду что красавица-жена сына не кто иная, как СОРОКАЛЕТНЯЯ ЗМЕЯ В ОБЛИКЕ ЖЕНЩИНЫ и что живя с ней царевич будет болеть, пока не избавится от нее. В доказательство он советует вечером накормить жену царевича соленным пловом, не оставив в спальне ни капли воды. И пусть царевич запрет двери, а затем притворяясь спящим, наблюдает за женой и тогда он убедится, что она есть змея, а не женщина. Ночью жена превращается в змею, выползает в другую комнату, пьет воду, а затем возвращается в спальню, вновь обратившись в женщину. ЦАРЬ просит дервиша совета, как избавить сына от жены-змеи. Дервиш учит его сказать ей, что некий дервиш просит хлеба, который был бы по обычаю испечен ею, и, когда она будет сажать хлеб в печь, слуга должен схватить ее за ноги бросить ее в огонь.	Раз заходит во дворец странствующий НИЩИЙ-ДЕРВИШ . Узнав из разговоров слуги, что царевич болен неизлечимой болезнью, он просит разрешения осмотреть его и тотчас распознает, в чем заключается болезнь. Он осмеливается рассказать царю неприятную правду что красавица-жена сына не кто иная, как СОРОКАЛЕТНЯЯ ЗМЕЯ В ОБЛИКЕ ЖЕНЩИНЫ и что живя с ней царевич будет болеть, пока не избавится от нее.
B	Слова ДЕРВИША исполняются в точности ⁸ . Царевич избавляется от жены, а вместе с ней – от мучившей его болезни (в о з в р а щ а е т с я к прежней жизни).	В доказательство ДЕРВИШ советует вечером накормить жену царевича соленным пловом, не оставив в спальне ни капли воды. И пусть царевич запрет двери, а затем притворяясь спящим, наблюдает за женой и тогда он убедится, что она есть змея, а не женщина. Ночью жена превращается в змею, выползает в другую комнату, пьет воду, а затем возвращается в спальню, вновь обратившись в женщину. Лопа дервиша оправдываются.
C		Царь просит дервиша совета, как избавить сына от жены-змеи. Дервиш учит его сказать ей, что некий дервиш просит хлеба, который был бы по обычаю испечен ею, и, когда она будет сажать хлеб в печь, слуга должен схватить ее за ноги бросить ее в огонь Слова ДЕРВИША исполняются в точности. Царевич избавляется от жены, а вместе с ней – от мучившей его болезни (п р е в р а щ а е т с я , становится здоровым)
Fi	Царь щедро награждает дервиша и делает его первым визирем в своем царстве.	Царь щедро награждает дервиша и делает его первым визирем в своем царстве.

⁷ Фольклор Азербайджана и прилегающих стран. Том 1-ый. Под редакцией проф. А.В. Багрия. Баку, 1930, с. 46-48

⁸ Все исполняется на словах – как в заговоре. – *ПБ*. О структуре заговора см.: Белков П.Л. Композиция заговора: к проблеме соотношения мифа и ритуала // Праздники и обряды как феномены этнической культуры. Материалы Десятых Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб., 2011. С. 16-19.

Вариант 1

Пространство первой большой (красной) мотивемы заполняется мотивами, которые характерны для эпоса. Появление странствующего дервиша (перевернутый мотив *отлучки*), который вызывается осмотреть царевича и распознает болезнь, осмеливаясь при этом рассказать царю правду о том, что причиной болезни сына является его красавица-жена, являющаяся сорокалетней змеей в облике женщины. По эпическим канонам *нарушением* здесь служит принятие дервишем *вызова*: он берется или решается, отваживается, сделать то, чего не смогли сделать знаменитые доктора. Наконец, долгая отправка. В доказательство своих слов, т.е. своего обвинения в адрес жены царевича, он предлагает накормить ее перед сном соленым пловом, не оставив в спальне ни капли воды и заперев при этом дверь. Она вынуждена обратиться змеей, чтобы выползти наружу и напиться воды, тем самым подтвердив слова дервиша. Царь просит научить, как избавить сына от жены-змеи. Дервиш учит сказать, что некий дервиш просит хлеба, который по обычаю должна испечь жена, и когда она будет сажать хлеб в печь, слуга должен схватить ее за ноги и бросить в огонь. [Царь приказывает слуге пойти и выполнить наказ дервиша.]

При таком распределении мотивов пространстве второй большой (желтой) мотивемы остается только одна фраза: *«Слова дервиша были исполнены в точности и, таким образом, царевич избавился от своей жены, а вместе и от мучившей его болезни»*⁹. Следовательно, *срединный момент* принимает значение, можно сказать, расшифровывается как *бой – победа*. Змея склоняется к печи, слуга бросает ее в огонь. Вариант мотива змееборства в чистом виде.

Однако в этом случае рассказчик поступается интуитивным правилом однопостановки. Если данный образец фольклора рассматривать как эпос, protagonистом выступает дервиш и как таковой он, а не слуга, должен отправиться к месту поединка – к печи – и вступить в бой со змеей. Разумеется, это противоречит условию задачи: как гость он не может сам печь хлеб, которым его будут угощать.

Тот факт, что действия слуги даются в виде ссылки на замысел дервиша, дает возможность непосредственного перехода к конечной ситуации, где дервиш вновь «восстает из пепла» в роли protagonиста: *«Царь щедро наградил дервиша и сделал его первым визирем в своем царстве»*.

Таким образом, перед нами типичная двухмотивемная (= двухперсонажная) композиция характерная для эпоса. В первой мотивеме дервиш берется за излечение царевича, во второй он находит (предлагает) средство излечения – смерть жены царевича.

⁹ Данную фразу можно разбить на две так, чтобы вторая часть попала в субмотивему *возвращения* (царевич возвращается к прежней жизни). – ПБ.

В конечном итоге при максимальном сжатии текста выявляется сюжетная линия, которая хорошо знакома нам по европейским сказкам. Некий персонаж становится жертвой похищения /колдовства / порчи и т.п. Появляется спаситель и убивает антагониста, найдя верное средство. Пока ограничимся двумя примерами – афанасьевскими сказками № 148 и № 157 по последнему изданию, т.е. сказкой «Никита Кожемяка» и сказкой «Кощей Бессмертный» (встроенный ход):

Вариант 2

Этот вариант мы подробно рассматривать не будем. Достаточно сказать о том, что в этом варианте данный текст будучи «горельефом», видится как «барельеф», т.е. как волшебная сказка, *срединным элементом* которой выступает своего рода загадывание. Дервиш предлагает провести эксперимент – испытание жены царевича на «человечность». Соответственно, мотив избавления от жены-змеи приобретает смысл трудной задачи, попадая в пространство третьей большой мотифемы и тем самым создавая ее. Эти действия неразличимы с точки зрения хода действия. Отметим также, что в некоторых сказках вторая мотифема начинается с прибытия протагониста в место, где будут происходить события эквивалентные спасению героем царства / царевны и т.п. В нашем случае, поскольку рассматриваемый текст имеет структуру эпоса, *прибытие* (✓ *отлучка*) дервиша начинается первая мотифема. Различие состоит в том, что в сказках повествование продолжает следить за протагонистом, которого изгоняют из своего пространства в чужое, *Точка зрения* на происходящее переворачивается – протагонист является нежданно для слушателей из чужого пространства в свое, т.е. освоенное в ходе предыдущего повествова-

ния. Подобный случай несовпадения двух начал (морфология эпоса, но поэтика волшебной сказки) мы уже рассматривали при разборе сказки «Покати-горошек» (Аф. 133)¹⁰.

Отличие сюжета известного под индексом ATU411 заключается только в том, что пострадавший персонаж мужского рода (царевич *etc.*), а его антипод – женского рода (змея *etc.*) и речь идет о женитьбе тогда (в русских сказках – о замужестве как концовке сюжета начальной ситуации).

Здесь мы подходим к вопросу о происхождении сюжета ATU411. При решении этого вопроса А.И.Бер-Глинка стучится в открытую дверь. Сравним. Что на входе и что выходе статьи А.И.Бер-Глинки? При постановке вопроса он утверждает: «Мифической основой для сюжета выступает образ *ювхи/юхи/вихи* – змеи, способной принимать любой облик, включая человеческий, и вступать с человеком в брак. Образ оборотня *ювхи* распространен у народов, у которых зафиксирована сказка с сюжетом ATU411»¹¹.

В заключении он приходит к тому, что вопрос об истоках сюжета ATU411 и образа *ювхи* остается открытым и эти истоки следует искать в южносибирских образах демонниц – оборотней, вступающих в сожительство с мужчиной и питающихся его кровью и жизненной энергией, в частности, в сказках о демонницах-*шулмусихах*¹².

Очевидно, что решение этого вопроса самое простое и состоит в том, что в структурном плане основа сюжета и истоки сюжета являются синонимами. Следовательно, сказка «Царевич и его жена сорокалетняя змея» восходит не к алтайской сказке «Яд шулмусихи и сила Бургана», а именно к поверью о *ювхе*, сорокалетней змее, способной превращаться в прекрасную женщину. И тот факт, что мотив разоблачения жены царевича дервишем с помощью соленого плова, является в сущности излишним для хода действия, свидетельствует, что данный нарратив строится непосредственно из поверья о *ювхе*. Этот мотив можно опустить, перейдя непосредственно от установления причины болезни к просьбе царя дать средство избавления сына от жены.

Точно так же упомянутая выше алтайская сказка не является источником для ATU411, но, в свою очередь, восходит к похожему поверью о демоннице *шулмусихе*.

В этом пункте приходится более точно определить понятие *поверья*. Впервые научное определение этого понятия было введено Аланом Дандисом, причем в связи с идеей общности морфологической модели сказки (*tale*) и поверья

¹⁰ См. Морфология богатырской сказки. I. Мотив, мотифема, ход // *ethnomanuscripts.ru*, 29.11.2019, с.5.

Примечание. Гораздо чаще, по сказочным стандартам, *неузнанное прибытие* протагониста является началом третьей мотифемы, что в роли приема (поэтики) допускает ложное деление второй мотифемы на две (вторую и третью) или ложную подачу второго хода как третьей мотифемы.

¹¹ Бер-Глинка А.И. Сюжетный тип ATU411 в сказочной традиции Евразии: некоторые замечания к типологическому указателю сказочных сюжетов» Г.-Й.Утера // *Этнографическое обозрение*, 2018, № 4, с.173.

¹² Там же, с.178.

(superstition). Определение Дандиса таково: «Поверья – это традиционные выражения одного или более условия и одного или более результата такие, что некоторые условия являются приметами, а другие – причинами»¹³ (“Superstitions are traditional expressions of one or more conditions and one or more results with some of the conditions signs and others causes”). Смысл этого определения удастся понять из прилагаемой им формулы («Если А, то В» с факультативным «Если не С») и из сопутствующего примера из традиции чиппева: если бросать в озеро собак или кошек, то это вызовет бурю («выполнение одного или нескольких условий выступает причиной одного или нескольких результатов») ¹⁴.

Переведем определение Дандиса на более удобный язык формальной логики. Оно сводится к тому, что поверье имеет структуру импликации, т.е. высказывания, которое состоит из антецедента («условия») и консеквента («результата»). Для себя отметим, что народная логика является весьма точным инструментом. Во-первых, импликация – это высказывание, которое ложно только тогда, когда антецедент истинен, а консеквент ложен. Доказательство несуществования (ложности) чудесного образа, выступающего в роли первой посылки, принципиально недоказуемо, а ложность консеквента нейтрализуется диктуемой традицией предосторожностью («Если не С»).

По мнению Дандиса, структура мотивемной последовательности Запрет / Нарушение в сказке совпадает со структурой поверья. В обоснование своей мысли он строит следующую таблицу¹⁵:

<i>Сказка</i>		<i>Поверье</i>	
Запрет	Девочке запрещают охотиться на кроликов	Условие	Если женщина съест пресный хлеб охотников
Нарушение	Она охотится		-----
Следствие	Появляется чудовище-людоед	Результат	она родит близнецов
Попытка избежать следствия	Близнецы Ахайте спасают девочку	Противодействие	Если не обвести хлеб четырежды вокруг перекладыни лестницы ее дома

¹³ Dundes A. Structural typology in North American Indian folktales // Southwestern Journal of Anthropology, vol.19, No.1, 1963, p.128.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Ibid.

При этом Дандис тут же вынужден признать: «Не следует обманываться явным отсутствием аналога мотивемы Нарушение. В поверьях всегда предполагается что условие будет выполнено, или, иначе говоря, что запрет будет нарушен. Из этого вытекает возможность сравнивать сказки и поверья»¹⁶.

Во-первых, то, что Дандис называет условием, не является элементом поверья морфологически эквивалентным запрету. Оно само является нарушением (описанием случая нарушения запрета). Поэтому таблица должна выглядеть иначе:

<i>Сказка</i>		<i>Поверье</i>	
Запрет	Девочке запрещают охотиться на кроликов	Запрет	Женщинам запрещается есть пресный хлеб охотников
Нарушение	Она охотится	Условие	Если женщина съест пресный хлеб от охоты на оленей
Следствие	Появляется чудовище-людоед	Результат	она родит близнецов
Попытка избежать следствия	Близнецы Ахайте спасают девочку	Противодействие	Если не обвести хлеб четырежды вокруг перекладины лестницы ее дома

Но дело даже не в этом, а в том, что Дандис неверно указывает координаты мотивемы Запрет. Запрет является смысловым корнем отлучки. Нарушение же образует собой триаду *подвох, пособничество, вредительство* (беда). Причем как *отлучка*, так и *нарушение* относятся к телу сказки, тогда как поверью соответствует понятие *начальной ситуации*, если под поверьем понимать обязательную, не факультативную часть.

Таким образом, структуру сказок и поверий действительно можно привести к сопоставимому виду, но делается это совсем иначе. Поверье целиком попадает в начальную ситуацию (форма), в тех случаях, когда она имеет развернутый характер обоснования «плохой» начальной ситуации (содержание), которая является описанием создания *недостачи*. Это связано с тем, что мотивы, составляющие начальную ситуацию, по определению носят характер предложений субъектно-предикатной структуры¹⁷.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ См. об этом подробнее: Грязнов Б.С. Логика, рациональность, творчество. М., 1982, с.233.

В то же время запрет является начальной ситуацией поверья. См. выше: женщинам запрещено есть пресный хлеб (*запрет*); если женщина съест такой хлеб (*нарушение*), то у нее родятся близнецы (*следствие*). Дандис не учитывает того обстоятельства, что антецедентом импликации¹⁸ в поверье может выступать конъюнкция «*запрет* и *нарушение*». Точно также выглядит субмотифема *нарушения* волшебной сказки: *подвох & пособничество* → *вредительство*. На этом основании можно предположить, что сказка заимствует структуру нарушения именно у поверья.

Графически все это можно изобразить так, как показано на Таблице 2, если принять во внимание, что изменения в структуре / форме нарратива сопровождаются изменением топологии / содержании составных частей. Для демонстрации межвидовых (горизонтальных) трансформаций в плане переходов от явлений фольклора одного типа к другому мы добавляем к списку сравнений структуру такого вида традиционных нарративов, как заговор. На будущее заметим вполне вероятное отсутствие непроницаемых границ между повествовательным фольклором и так называемыми малыми жанрами фольклора (пословицей, поговоркой, загадкой).

Таблица 2

Волшебная сказка	Былина (эпос)	Миф	Поверье	Заговор
Начальная ситуация	Начальная ситуация	Начальная ситуация	(Запрет)	(Запрет)
			Нарушение	(Нарушение)
			Следствие	Болезнь / рана
Отлучка	Прибытие	Отлучка	Попытка избежать следствия	Произнесение заговора
Нарушение	Вызов	Нарушение		
Отправка	Отправка	Следствие		
Путешествие	(Путешествие)		(Избавление)	(Избавление)
Подвиг	Подвиг			
Возвращение	(Возвращение)			
Прибытие				
Трудная задача				
Трансформация /свадьба				

В русской традиции сохранились поверья об огненном змее, которые можно считать основой (шаблоном, источником) сюжетов о Кощее Бессмертном, похищающем женщин. Приведем данные из материалов «Этнографического бюро» князя Тенишева:

¹⁸ См. там же, с.232.

Что касается до «огненного змея», посещающего людей тоскующих, то верование в него во многих местах держится крепко в народе. «Огненный змей», по народному верованию, - это сам нечистый. Подвергаются его обольщению чаще всего женщины сильно тоскующие по своим мужьям, умершим или же находящимся в продолжительной отлучке. Является к ним ночью, причем принимает вид их отсутствующих мужей. В большинстве случаев он вступает с ним в телесную плотскую связь... Женщины, которых посещает «огненный змей», обыкновенно быстро худеют и чахнут под его ласками и очень скоро умирают, по большей части в страшных мучениях... Иногда «огненный змей» вступает в связь с незамужними девицами... К старшей и прилетал каждую ночь «змея»... Посещая эту пожилую девицу, «змея» приносил ей деньги... жила очень богато. Умерла в страшных мучениях... Говорят, что умирающую свою сожительницу «змея» хотел затащить под печку сквозь небольшое окошечко, но она не прошла и умерла тут... «Огненный змей» нередко называется в народе просто «ужом»... при своих посещениях «уж» носит своим сожительницам деньги...¹⁹.

«Попытка избавления от следствия» представлена в сюжете о Кощее Бесмертном и ему (сюжету. – ПБ) подобных, с одной стороны, и в особого рода заговорах, с другой. Такой заговор «От огненного змея, летающего к женщине, которая по нем тоскует» мы находим у Майкова²⁰.

Втыкают в порог и во все щели избы траву мордвинник²¹ и потом говорят:

Как во граде Лукорье летел змей по поморию, града царица им прельщалася, от тоски по царе убивалася, с ним, со змеем, сопрягалася, белизна ея умаялася, сердце тосковалося, одному утешению предавалася – как змей прилети, так ее и обольстит. Тебя, змей, не боюсь, Господу Богу поклонюся, преподобной Марии Египетской уподоблюся, во узилища заключуся. Как мертвому из земли не вставать, так и тебе ко мне не летать, утробы моей не распалати, а сердцу моему не тосковати. Заговором я заговариваюся, железным замком запираюся, каменным тыном огораживаюся, водой ключевой прохлаждаюся, пеленой Божией Матери покрываюся; аминь.

При некоторых весьма несложных преобразованиях перед нами практически готовый сюжет «сказки о царице и огненном змее». Почти полное соответствие этой несуществующей сказке мы находим в сказке «Ночные пляски» (Аф.298-299), где огненный змей превращается в заклётого или подземного царя, к которому царевны (царевна) убегает по ночам. Теперь сравним восточную сказку «Царевич и его жена сорокалетняя змея» и великорусский заговор «От огненного змея»:

¹⁹ Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н.Тенишева. Том 2. Ярославская губерния, часть 1.... Санкт-Петербург, 2006, с.197.

²⁰ Майков Л.(Н.) Великорусские заклинания. СПб., 1869. В других заговорах огненный змей становится исполнителем любовного приворота («похищения»): «Гой, еси ты, Огненный змей! Не зажигай ты горы и долы, ни быстрые реки, ни болотные воды со ржавчиною, ни орлицу с орлятами, ни скопу со скопятами; зажги ты красну девицу...» (см. там же, с.11).

²¹ Мордовник. Ср. переворачивание образа змея в мотиве сказки «Перышко Финиста Ясна Сокола» (Аф.234-235): завистливые сестры утыкали окно ножами и иглами.

Сказка

Царевича прельщает красавица, найденная в лесу. После свадьбы он начинает чахнуть.

Обращение к дервишу, который разоблачает жену сорокалетнюю змею и учит, как избавить царевича от нее.

Заговор

Огненный змей прельщает царицу. Белизна царицы умалывается.

Обращение к знахарю, который совершает защитные магические действия и произносит заговор, избавляющий женщину от змея.

Таким образом, при сравнении структуры сказки и поверья Дандис действовал, хотя и не совсем точно, в верном направлении. Говорить о взаимной диффузии образов и мотивов, *жанровом* сходстве, было бы тривиально. Нетривиальным является вывод о морфологическом сходстве, горизонтальном обмене элементами морфологии, казалось бы, очень далеких друг от друга, вроде бы совершенно чужеродных, *видов* фольклора – волшебной сказки и поверья – при посредстве *антисказки*.

Здесь мы обрываем изложение на полуслове, надеясь на продолжение темы в будущем исследовании.

5 июля 2020 года